

РАЗДЕЛ 4

ПЫТАННІ ТЭОРЫІ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ КУЛЬТУРЫ. МУЗЕЙНЫЯ ПРАДМЕТЫ І КАЛЕКЦЫІ ЯК КРЫНІЦЫ

Пушкарева Н.Л.

ЗНАЧИМОСТЬ «УСТНОЙ ИСТОРИИ» КАК ВИДА ИСТОЧНИКА И МЕТОДА СБОРА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Во время бурных споров в отечественной гуманитаристике о роли и месте «качественных методов» - а они развернулись в начале 1990-х гг. – феминистские теоретики были записаны в один теоретический лагерь с этнометодологами, марксистами нового поколения (Л.Альтюссером) и всеми «антинатуралистами» и методологическими релятивистами [1, с. 28-42; 2, с. 22-32]. Действительно, феминистская критика социальной науки обосновывает идею воспроизводства сложившихся властных отношений при получении и распределении знания; потому-то и весь доступ к познавательным ресурсам представляется структурированным и организованным в интересах сохранения мужского господства в науке. Отрицание значимости «устной истории», подчеркнутое стремление «отправить» все устноисторические свидетельства в разряд второстепенных по значимости (по сравнению с документальными, особенно неопубликованными, но отложившимися в архивах) – как раз из их числа.

Феминистская методология постоянно ставит под сомнение объективность сложившейся – а это значит «мужской» - интерпретации общества, преимущественное право лидеров традиционной науки («патриархов») означать, классифицировать, интерпретировать эмпирические данные и назначать одни источники – *правильными, важными, значимыми, первостепенными, репрезентативными*, а вторые (и чьи-то устные рассказы, разумеется, попадают в этот разряд) – *незначимыми, вспомогательными, малорепрезентативными* и так далее. Убежденность феминистских теоретиков в существенности качественного понимания социальных явлений (в социологии это сторонники «понимающей социологии», в философии - приверженцы классической германской феноменологии с ее понятием *Verstehen*, в науках о прошлом – те, кто работает в области биографической и микроистории), дополненная гуманистическим идеалом и импульсом освобождения от считающей себя «нормальной» науки (а по сути - от устоявшейся, традиционной традиции исторического описания) приводит их в лагерь нового направления.

Новое направление – это женская и гендерная история, которая немислима без сбора данных путем личных интервью, в которых только и можно обнаружить непроговоренный, скрытый до поры до времени социальный опыт.

Желание сопереживать изучаемому объекту связывает феминистских теоретиков со сторонниками этнографического метода «включенного наблюдения», биографического метода и «гуманной социологии» [5; 6]. Шведская исследовательница М.Хиден, обосновывая различия мужского и женского подходов к самому сбору информации, обратила внимание и на его последствия: мужчины акцентировали внимание на цели (допустим: «почему/зачем он так делал»), в то время как женщины подчеркивали обстоятельства (например, «как он бил ее») и последствия акта, как физические, так и эмоциональные. Таким образом, выявились совершенно разные пласты в рассказах об одном и том же [4; с. 57]. Знание этого факта заставляет по-иному оценивать контент женских и мужских рассказов, равно как и то, *кто эти рассказы собирал*.

Специфика качественных методов в общей социологии – в том, что его сторонники постоянно имеют дело с идеографическим – с теми символами и знаками, которые обозначают индивидуальную неповторимость данной жизненной истории, индивиду-

альный рассказ о себе, индивидуальный текст, индивидуальные совокупности практик. Сторонницы направления женской и гендерной истории идут дальше, принимая вышеописанный подход. В их исследованиях идеографического так же присутствует акцент на теме неповторимости, индивидуальности, но он – иной, поскольку преодолевает надменность (арrogантность) обычного социологического описания отдельных судеб.

Ведь обычный исследователь индивидуального может себе позволить наблюдать за сценой социального театра как бы из «царской ложи», с исторически безопасного расстояния. Он может себе позволить писать о жизни своих соотечественников как о «чужих» (например, именуя человека-современника «homo soveticus», а жизнь, его окружавшую, называть «советским зверинцем»), будто он сам – не в этой общей истории, будто история вокруг не него – не встроена в его собственную жизнь, тело, язык, как будто он – не наследник свершившихся событий, а у него самого как бы нет биографии.

Исследователь (чаще – исследовательница), разделяющий феминистскую способность к пониманию и вчувствованию, такого не допустит. Собирая материалы «устной истории» для своего труда, исследователь (-ница) биографий с феминистских позиций прежде всего историоризирует самого(саму) себя – обозначая время и место в пространстве и на шкале времени, в котором совершается исследование, высказываясь в качестве участника (-цы) и не пытаясь вещать с позиций «абсолютно объективного исследователя», демиурга Великой науки, Разума или Истории. Как это сделать? *Переживая!* Иными словами, допуская чувства в свое исследование.

Мужчины-исследователи с трудом это приемлют – они подчеркивают свои эмоциональную независимость. А женщины-исследовательницы, считающие себя адептами направлениями женской и гендерной истории, настаивают на том, что *все сообщенное информантам может соотноситься с личной биографией*. Обращение же к собственному жизненному пути доступно каждому – и тому, кто наблюдает социум извне, и – в особенности – тому, кто в нем живет. Этот методический прием – лучший способ избежать суждения, диктуемого привилегированной позицией (мол, «я лучше тех, кого описываю, знаю их жизни»). Ученый старшего поколения, пишущий с таких позиций, уже поостережется считать себя, скажем, принадлежностью «советского зверинца»: ведь в этом «зверинце» была проведена большая часть его единственной и неповторимой жизни [2, с. 27].

Исследовательницы, разделяющие феминистские подходы «понимающей» и «гуманной» социальной антропологии, призывают постоянно учитывать собственную включенность в процесс – ту историю, которую рассказывают в своих жизненных историях информанты. Только тогда обнаружится то, чего нет у исследователя, желающего писать и видеть процессы как бы со стороны, извне: пишущий о своем, о своей включенности в культуру и историю обладает памятью тела – тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно потому, что каждый обладает этой памятью тела, воспроизведение ее приносит *радость обретения действительности* (хранившееся в дальних уголках памяти, неожиданно воскрешенное совпадениями, реализуется, всплывает на поверхности, даря исследователю радость). И это – та дополнительная информация, которую годами избегали сообщать историки, пишущие на темы, которые их глубоко волновали.

Не забывая, что сверхзадачей любого социального исследования является изучение сети социальных связей (а не просто суммы казусов, отдельных судеб), феминистские исследователи жизненных историй (прежде всего автобиографий – записанных или рассказанных устно) не оставляют надежды выявить *специфику повторяющихся форм человеческих взаимодействий через понимание присущего им субъективного смысла*. Ведь социальные отношения складывающиеся в разных областях (например, в научном сообществе) не зависят от сознания и воли отдельного человека (хотя иногда он тщится повлиять на них, особенно если занимает властные позиции). Можно сказать и так: они оказывают структурное принуждение. Поэтому изучение женских эгодоку-

ментов, женских жизненных сценариев предпринимается, чтобы увидеть, как за кажущимися случайностями жизни, очень индивидуальными жизненными путями и предстающими добровольными решениями скрываются социально-структурирующее начало. Спектр альтернатив не бесконечен, и не случайно - поэтому - очень часто необходимость выдается за добродетель.

Значимость новых – обоснованных гендерной теорией – подходов к историописанию и подбору источников состоит в том, что они утверждают неполноту, частичность любой точки зрения, настаивают на необходимости полифонии репрезентаций, где нарративный анализ с позиций эмпатии (сопереживания) – конечно, не панацея, не единственный, но все же один из важнейших подходов и уж точно: полезное дополнение к классическому научному знанию.

1. Батыгин Г.С., Деятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал, 1994. N 2. С. 28-42
2. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социс. 2000. N 9. С. 22-32
3. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социс. 1998. N ¾. С. 98-108
4. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социс. 1997. N 3
5. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principles in practice. London, 1983
6. Plummer K. Documents of life: An introduction to the problems and literature of a humanistic method. London, 1983.

Остряк А.Н. **ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ** **ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

Современный этап развития исторической науки характеризуется интенсивным развитием новых исследовательских направлений, постепенно трансформирующихся в самостоятельные отрасли научных знаний. Эти процессы происходят в силу разных причин. Однако, автономизация одних отраслей исторической науки (историография, археология), замкнутость на внутренних проблемах других (археология, дипломатика, палеография, хронология), появление новых специальных исторических дисциплин (документоведения, биографистики, клиометрики, феминологии) привели к их обособлению в рамках исторической науки [11, с. 28]. Под воздействием десциентизирующих методологических влияний, "расползания" проблем истории, в частности, в политологию, социологию, культурологию, искусствоведение, педагогику под омофором междисциплинарных исследований и при "попустительстве" историков ослабился кумулятивный эффект от профессионального исполнения исторической наукой социального заказа и усилились инфляционные тенденции – перепроизводство "историков" и "историй". Сложившаяся ситуация – это этап в развитии исторической науки, который требует концентрации усилий на переосмыслении ценностных ориентиров, преодоления дилетантизма в науке, недопущения дальнейшей девальвации исторического знания. Такого рода преобразования предполагают обращение к базовым инструментам творчества историков, приоритетное место среди которых принадлежит историческому источниковедению. Последнее вместе с историографией и специальными историческими дисциплинами составляет познавательную систему исторической науки, овладение которой – первостепенная задача историка-профессионала.

Очерчивание "сферы ответственности" источниковедения продолжается более полувека [2; 8; 10-12]. В результате интеллектуальных усилий нескольких поколений ученых кристаллизовалось представление о том, что источниковедение изучает происхождение исторических источников, теорию и практику их использования в исторических исследованиях, состав, структуру и функционирование источниковой базы исторической науки [7, с. 11]. При этом внимание источниковедов главным образом было сосредоточено на категории исторического источника, его происхождении, информационных свойствах, классификации источников, источниковой базе исторической